

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков

Корниенко Д.С.

**ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»
(ФГБНУ «ПИ РАО»)**, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Руднова Н.А.

**ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»
(ФГБНУ «ПИ РАО»)**, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Гордеева Т.О.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ)**, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-8678>, e-mail: tamgordeeva@gmail.com

Сычев О.А.

**ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ имени В.М. Шукшина),
г. Бийск, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Егоров В.А.

**Некоммерческая организация «Целевой фонд будущих поколений Республики Саха
(Якутия)» (НО «ЦФБП РС(Я)»)**, г. Якутск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-9742>, e-mail: vladimir_egorov@mail.ru

Веракса А.Н.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), ФГБНУ «Психологический институт
Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»)**,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7187-6080>, e-mail: veraksa@yandex.ru

Цель. Анализ различий в проявлении зависимости от социальных сетей в связи с различной выраженностью характеристик социального здоровья (одиночества и социальной поддержки).

Контекст и актуальность. Одиночество и социальная поддержка рассматриваются как показатели социального здоровья подростка, характеризующие внутреннее переживание изолиро-

ванности от других и широту круга контактов, к которым подросток может обратиться за помощью. Ранее вопрос об их соотношении в контексте зависимости от социальных сетей не рассматривался.

Дизайн исследования. Исследование реализовано как сравнительный анализ показателей зависимости от социальных сетей, мотивов и формальных характеристик использования социальных сетей среди подростков, отличающихся соотношением одиночества и социальной поддержки.

Участники. Выборку исследования составили 6405 подростков в возрасте от 13 до 18 лет ($M = 15$, $SD = 1,46$), 42,2% — юноши, являющиеся учащимися образовательных учреждений г. Якутска (Республика Саха (Якутия)).

Методы (инструменты). Трехпунктовая шкала одиночества, Шкала социальной поддержки, Бергенская шкала зависимости от социальных сетей. Были выявлены мотивы использования социальных сетей и формальные характеристики их использования.

Результаты. Были выделены группы подростков, отличающихся в выраженности одиночества и социальной поддержки, которые обнаруживают значимые различия в проявлении зависимости от социальных сетей. Специфика групп с различным соотношением одиночества и социальной поддержки обнаруживается в мотивах использования социальных сетей и формальных характеристиках (время, количество друзей). В группе подростков с высоким показателем одиночества и низкой социальной поддержкой проявляется эффект компенсации и обеднения, когда использование социальных сетей приводит к негативным результатам и формирует зависимость. Подростки с низким показателем одиночества и высокой социальной поддержкой, наоборот, обнаруживают позитивный эффект от использования социальных сетей.

Основные выводы. Среди показателей социального здоровья высокий уровень одиночества подростка может приводить к большей выраженности зависимости от социальных сетей. Также обнаружено, что зависимость от социальных сетей может иметь в основе не непосредственно коммуникативные мотивы, а мотивы, направленные на установление и поддержание связей с группой, объединенной общими игровыми интересами.

Ключевые слова: социальное здоровье; одиночество; социальная поддержка; зависимость от социальных сетей; подростки.

Для цитаты: Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Гордеева Т.О., Сычев О.А., Егоров В.А., Веракса А.Н. Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 28–48. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140203>

Loneliness and Social Support as Characteristics of Social Health and Factors of Social Media Addiction among Adolescents

Dmitry S. Kornienko

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Natalia A. Rudnova

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Tamara O. Gordeeva

Lomonosov Moscow State University, Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-8678>, e-mail: tamgordeeva@gmail.com

Oleg A. Sychev

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Vladimir A. Egorov

Trust Fund of Future Generations in the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-9742>, e-mail: vladimir_egorov@mail.ru

Aleksander N. Veraksa

Lomonosov Moscow State University, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7187-6080>, e-mail: veraksa@yandex.ru

Objective. The goal of the study was to look at how different levels of social health (loneliness and social support) show up in different ways in terms of how dependent people are on their social networks.

Background. Loneliness and social support are considered as indicators of a teenager's social health, characterizing the inner experience of isolation from others and the breadth of the circle of contacts that a teenager can turn to for help. Previously, the question of their relationship in the context of their dependence on social networks was not considered.

Study design. The current study examined the differences in social media addiction, motive, and formal characteristics of social media use among groups of adolescents with different levels of social health (loneliness and social support).

Participants. The study sample was made up of 6405 13–18-year-olds ($M = 15$, $SD = 1,46$), 42,2% of them male, who went to school in Yakutsk, which is in the Republic of Sakha (Yakutia).

Measurements. The following methods were used: the three-point Loneliness Scale, the Social Support Scale, and the Bergen Social Network Addiction Scale. The motives for using social networks and the formal characteristics of their use were identified.

Results. Teenagers were put into groups based on how lonely they were and how much social support they had. These groups show that dependence on social networks shows up in various ways. The groups with different levels of loneliness and social support can be identified by the reasons they use social networks and the way they work (how long they use them and how many friends they have). The use of social networks by adolescents with high levels of loneliness and low levels of social support leads to negative results and forms addiction due to the effects of compensation and diminution. Adolescents with low loneliness and high social support, on the other hand, demonstrate positive effects from the use of social networks.

Conclusions. Among indicators of social health, low social support for an adolescent may lead to greater dependence on social networks. It was also found that dependence on social networks may be based not on direct communicative motives but on motives aimed at establishing and maintaining ties with a group united by common gaming interests.

Keywords: social health; loneliness; social support; social media addiction; adolescents.

For citation: Kornienko D.S., Rudnova N.A., Gordeeva T.O., Sychev O.A., Egorov V.A., Veraksa A.N. Loneliness and Social Support as Characteristics of Social Health and Factors of Social Media Addiction among Adolescents. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 28–48. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140203> (In Russ.).

Введение

Цифровая трансформация общества, которая только ускорилась из-за политики изоляции населения во время пандемии коронавируса SARS-CoV-2, привела к росту использования информационных технологий для реализации различных социальных процессов [5]. Информационные технологии стали атрибутом повседневной жизни современного человека и имеют как положительное, так и отрицательное влияние на различные аспекты физического и психологического здоровья, а ряд авторов поднимают вопрос о негативном влиянии цифровизации на социальное здоровье (например, [4; 15]).

Социальное здоровье человека можно определить как «устойчивое состояние социального благополучия, обеспечивающее успешность функционирования, социализации и самореализации личности в условиях современного информационного общества» [2]. Одним из важнейших его показателей ряд авторов называет способность человека контактировать с социумом, что особенно важно для подростков и юношей, так как данная способность является значимым фактором дальнейшей адаптации человека в обществе (например, [3]). Цифровизация предлагает для реализации этой способности отдельный инструмент — социальные сети — интерактивные сайты, которые создают автоматизированную социальную среду [7].

Социальные сети являются неотъемлемым контекстом социализации, что подтверждается рядом работ [5]. Большинство авторов, однако, обращает внимание либо на личностные предикторы зависимого поведения [13], либо, например, на нормативы поведения в социальных сетях [9]. При этом вопросы социального здоровья, особенно у лиц

подросткового и юношеского возрастов, остаются вне поля внимания.

Зависимость от социальных сетей

Значимость сетей для социального здоровья связана с их функциями, которые могут использоваться для расширения круга контактов, поддержания связей, получения поддержки. Однако увлеченность социальными сетями приводит к тому, что пользователи не могут отказаться от них даже на короткое время, испытывают негативные эмоциональные переживания при ограничении или прерывании контакта и стремятся постоянно быть онлайн [11].

В рамках психологии цифровизации предложены понятия, описывающие зависимое поведение в отношении социальных сетей, а именно — интенсивность использования [28], навязчивость использования [29] и интеграция в ежедневную активность [11]. Указанные понятия содержательно близки, отражают частоту и психологические особенности использования социальных сетей. Однако проблема зависимости от социальных сетей имеет свое собственное содержание: если для интернет-зависимости уже предложено несколько теоретических моделей [17], то для феномена зависимости от социальных сетей они еще разрабатываются.

Наиболее перспективным для рассмотрения содержания феномена зависимости от социальных сетей является сопоставление с характеристиками аддиктивного поведения: поглощенностью, управлением эмоциями, толерантностью к воздействию, синдромом отмены, конфликтностью и снижением контроля [31].

Поглощенность проявляется как то, что активность в социальных сетях становится наиболее значимой в жизни человека, занимая все переживания, мысли

и время [33]. Зависимый пользователь испытывает положительные переживания, когда заходит на свою страницу или в новостную ленту, перестает думать о своих проблемах и не чувствует одиночества [44]. С течением времени растет потребность в интенсивности использования (повышается толерантность), что проявляется в увеличении времени, проводимого в сети [23]. Синдром отмены проявляется как искаженное восприятие времени вне социальных сетей, которое кажется более длительным и доставляет меньше удовольствия [43]. Неспособность контролировать поведение как проявление зависимости от социальных сетей связана с неэффективными попытками снижения частоты использования социальных сетей [47]. Еще одна характеристика зависимости — конфликтность. Она проявляется в игнорировании иных видов активности и может вызывать проблемы межличностных отношений, что особенно важно для прогнозирования социального здоровья, поскольку зависимость от социальных сетей зачастую приводит к межличностным конфликтам и снижает социальное благополучие [21].

Использование социальных сетей и социальное здоровье

В настоящее время проблема благополучия и здоровья в психологии находит свое рассмотрение в различных отраслях и с использованием различных терминов: психологическое благополучие и здоровье, социальное благополучие и здоровье, психологическое и социальное самочувствие. Подобное разнообразие позволяет исследователям обращаться к различным составляющим благополучия и здоровья, однако и создает сложности для поиска общих методологических основ.

Понятие социального здоровья рассматривается с позиции психологии

здоровья преимущественно в исследованиях, ориентированных на социальные и психологические компоненты среды пациентов клиник [32]. При этом социальное здоровье не находится в фокусе исследований, хотя имеет прикладное значение для социальной интеграции людей с различными заболеваниями [32]. В таком контексте социальное здоровье рассматривается как включающее социальное функционирование, как способность участвовать в социальных взаимодействиях и социальные отношения, как стремление к поддержанию дружбы, эмоциональной, информационной, инструментальной поддержки или социальной изоляции [41].

В социологии и социальной психологии подробно рассматривается понятие «социальное самочувствие», которое определяется как эмоционально-оценочная реакция на социальные изменения и собственное положение в меняющемся обществе [6]. Социальное самочувствие может рассматриваться как мера социальной адаптированности человека к окружающей действительности и входит в структуру социальных настроений. Отличают психологическое и социальное самочувствие: в первом выделяют эмоциональные и рефлексивные характеристики, тогда как во втором больше уделяется внимания когнитивным и объективным параметрам социального окружения человека [14]. Некоторые авторы акцентируют внимание на то, что социальное самочувствие выражает отношение к окружающей действительности [10] и включает психологическое самочувствие как личностную характеристику [16].

Третьим понятием, активно используемым в контексте социального и психологического здоровья, является благополучие (well-being). На сегодняшний день существует множество работ, рас-

смастривающих благополучие и его составляющие как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях (например, [38]). Вместе с тем обращение именно к социальному благополучию как отдельному феномену не является частым. Социальное благополучие рассматривается прежде всего как социальная поддержка — поддержка членов семьи или друзей [22], и может входить в представление о ментальном здоровье [45].

В целом социальное здоровье является широким термином, объединяющим различные социально-психологические качественные и количественные характеристики, описывающие особенности взаимодействия и его результаты.

Исследования психологического и социального благополучия и использования социальных сетей обращаются к рассмотрению разных характеристик социальных взаимодействий — социальной поддержки, количества друзей онлайн и офлайн, проявления кибербуллинга, участия родителей в онлайн-активности детей, а также формальных характеристик использования социальных сетей (время, проводимое в социальных сетях, их количество).

В связи с этим представляется целесообразным при характеристике социального здоровья выделить две составляющие: внешнюю, связанную с формальной включенностью в социальные группы, наличием поддержки от других, и внутреннюю, связанную с субъективной оценкой включенности в социум, переживанием связности с другими или, наоборот, покинутости и в целом одиночества.

Исследования связи активности в социальных сетях и социальных характеристик опираются на две гипотезы: гипотезу обогащения, утверждающую, что использование социальных сетей оказывает положительный эффект для тех, кто уже имеет широкие социальные связи,

и гипотезу компенсации, которая предлагает противоположное объяснение — положительный эффект использования социальных сетей проявляется для тех, кто испытывает трудности с реальным взаимодействием [26]. В качестве социальных характеристик психологического благополучия рассматриваются: личностные черты, описывающие особенности социальных отношений, например, экстраверсия-интроверсия; наличие проблем в отношениях с другими — одиночество или социальная тревожность; социальная поддержка [35].

Одним из дискуссионных вопросов при обсуждении результатов исследований включения социальных медиа в жизнь подростков является вопрос о зависимости от социальных сетей, а не просто об активном их использовании [12]. Существуют данные, что люди, склонные к зависимости от социальных сетей, ощущают реальные отношения небезопасными для себя и менее вовлечены в сообщества в реальной жизни [37]. Подростки, имеющие негативный опыт отношений со сверстниками в реальности, стремятся компенсировать это использованием социальных сетей [46], что подтверждается данными о преобладании социальных мотивов у лиц, зависимых от социальных сетей [18]. При этом ввиду эффекта онлайн-растормаживания [1] подростки, обращающиеся в социальные сети за поддержкой, могут получить лишь негативный отклик.

Исследования связи социального здоровья и использования социальных сетей подчеркивают важность разделения активного и проблемного использования социальных сетей, так как возникающие эффекты противоположны [39].

В контексте проблемы социального здоровья становится актуальным вопрос о том, насколько переживание одиноче-

ства и социальной поддержки сказывается на проявлении зависимого от социальных сетей поведения. Переживание одиночества рассматривается как составляющая психологического благополучия и описывает степень изолированности подростка от других, а социальная поддержка, несмотря на субъективную оценку, характеризует широту круга контактов, к которым может обратиться подросток за помощью.

Цель исследования — анализ различий в проявлении зависимости от социальных сетей в связи с различной выраженностью характеристик социального здоровья (одиночество и социальная поддержка). Частной задачей данного исследования стало установление психометрических характеристик русской адаптации Бергенской шкалы зависимости от социальных сетей (С. Андерсен и др.) (Bergen Social Media Addiction Scale, BSMAS) [27], которые, несмотря на имеющиеся обзоры данной методики [8], ранее представлены не были.

Метод

Выборка исследования. Для анализа психометрических показателей использовались результаты, полученные от 6405 респондентов в возрасте от 13 до 18 лет ($M = 15$, $SD = 1,46$), 42,2% — юноши. Респонденты являются учащимися средних и средних профессиональных образовательных учреждений г. Якутска (Республика Саха (Якутия)). Опрос проводился в индивидуальном порядке, на добровольной основе. Процедура сбора данных соответствует этическим стандартам Российского психологического общества.

Методики исследования

Трехпунктовая шкала одиночества [42]. Шкала включает три утверждения

относительно отсутствия дружеских отношений, ощущения покинутости и изоляции, с которыми респондент выражает согласие или несогласие, используя шкалу от 1 («никогда») до 5 («постоянно»). Альфа Кронбаха — 0,86.

Степень **социальной поддержки** подростка предполагала оценку вероятности обращения к различным сверстникам и взрослым при ответе на вопрос «Если у меня возникают проблемы, то я обращаюсь за помощью к...» по шкале от 1 («никогда») до 5 («очень часто») [25]. Альфа Кронбаха — 0,64.

Бергенская шкала зависимости от социальных сетей, разработанная С. Андерсен с коллегами [20], включает шесть пунктов, описывающих основные характеристики зависимости: заикленность, рост устойчивости к воздействию, использование социальных сетей для изменения настроения, переживание дискомфорта при попытках сократить их использование, потеря контроля и конфликт с другими сферами жизни [31]. Респондент оценивает свой опыт использования социальных сетей в течение последнего года, используя 5-балльную шкалу Лайкерта: от 1 («очень редко») до 5 («очень часто»). Шкала адаптирована для использования на различных языках и демонстрирует однофакторную структуру и высокие психометрические показатели валидности и надежности. Пункты были переведены на русский язык в соответствии с рекомендациями по адаптации психодиагностических инструментов, используемых в кросс-культурных исследованиях (см. приложение) [24].

В качестве формальных характеристик использования социальных сетей были использованы следующие показатели: количество социальных сетей, которыми пользуется респондент, субъек-

тивная оценка времени, проводимого в сетях, количество друзей, также респондентам были заданы вопросы о мотивах использования социальных сетей (быть на связи со знакомыми людьми, узнавать новых людей, играть в игры, публиковать собственную информацию) [25].

Обработка данных осуществлялась в программе Jamovi, использовались кластерный, корреляционный, регрессионный и дисперсионный анализы.

Результаты

Психометрические характеристики русскоязычной версии Бергенской шкалы зависимости от социальных сетей

Пункты русскоязычной версии Бергенской шкалы зависимости от социальных сетей (С. Андерсен и др.) были использованы для выявления структуры методики. Предварительный анализ показал возможность проведения факторного анализа — тест Бартлетта: $\chi^2 = 7958$, $df = 15$, $p < 0,001$; коэффициент адекватности факторной структуры $KMO = 0,83$. Результаты факторного анализа с вращением варимакс показали, что все пункты входят в один фактор, который объясняет 45,6% дисперсии. Значения факторных нагрузок варьируют от 0,544 до 0,743. Конфирматорный анализ показал следующие значения коэффициентов пригодности модели: $CFI = 0,976$; $RMSEA = 0,056$ [$CI\ 90\% 0,049; 0,063$], $TLI = 0,96$.

Шкала продемонстрировала высокие показатели надежности (альфа Кронбаха — 0,759; омега Макдональда — 0,761), при удалении пунктов надежность не возрастала.

Были подсчитаны корреляции суммарного балла по шкале зависимости от социальных сетей с формальными характеристиками использования социальных сетей. Корреляционный анализ показал,

что зависимость от социальных сетей положительно связана с количеством социальных сетей ($r = 0,114$; $p < 0,001$), друзей в социальных сетях ($r = 0,060$; $p < 0,001$) и временем, проводимым в социальных сетях ($r = 0,252$; $p < 0,001$).

Зависимость от социальных сетей коррелирует с мотивами «быть на связи» со знакомыми людьми ($r = 0,085$; $p < 0,001$), «узнавать новых людей» ($r = 0,224$; $p < 0,001$), «играть в игры» ($r = 0,139$; $p < 0,001$) и с публикацией собственной информации ($r = 0,276$; $p < 0,001$).

Показатель одиночества ($r = 0,397$; $p < 0,001$) и показатель социальной поддержки ($r = 0,081$; $p < 0,001$) положительно связаны с зависимостью от социальных сетей. Связь между социальной поддержкой и одиночеством отрицательная ($r = -0,199$; $p < 0,001$). Также была сделана регрессионная модель, включавшая социальную поддержку как предиктор зависимости от социальных сетей при контроле одиночества ($R^2 = 0,18$, $\Delta R^2 = 0,027$; $F(1\ 6402) = 208$, $p < 0,001$). В результате обнаружен слабый положительный вклад социальной поддержки ($\beta = 0,17$; $t = 14,4$; $p < 0,001$) в сравнении с одиночеством ($\beta = 0,43$; $t = 37,4$; $p < 0,001$).

Одиночество и социальная поддержка как факторы различий в использовании социальных сетей

Для выделения групп подростков, отличающихся по выраженности показателей одиночества и социальной поддержки, был проведен кластерный анализ по методу k-средних. В результате было выделено четыре группы, описательная статистика изучаемых показателей для них приведена в таблице.

Первая группа высоко оценивает собственную оторванность от других, но

Средние и стандартные отклонения показателей в группах с различным соотношением одиночества и социальной поддержки

Показатели	Вся выборка		Группа 1 (N = 1470)		Группа 2 (N = 1820)		Группа 3 (N = 1709)		Группа 4 (N = 1406)	
	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение
Одиночество	2,70	1,09	3,28	0,58	3,82	0,67	1,85	0,57	1,71	0,51
Социальная поддержка	2,36	0,76	2,93	0,49	1,74	0,41	1,89	0,41	3,14	0,51
Зависимость от социальных сетей	15,90	5,13	17,60	4,53	17,40	4,99	13,80	4,74	14,50	5,06
Время в социальных сетях (мин.)	179,0	78,4	176,9	78,9	193,5	71,8	177,0	79,7	164,6	81,3
Количество друзей в социальных сетях	60,1	50,3	64,3	50,8	49,1	47,5	58,7	49,6	71,6	51,3
Количество социальных сетей	4,27	1,80	4,27	1,85	4,48	1,77	4,15	1,77	4,14	1,79
Быть на связи со знакомыми людьми	3,93	0,95	3,96	0,89	3,85	0,99	3,82	1,00	4,12	0,84
Узнавать новых людей	3,40	1,07	3,55	0,97	3,31	1,10	3,24	1,11	3,57	1,02
Играть в игры	3,62	1,18	3,65	1,08	3,57	1,25	3,58	1,24	3,69	1,12
Публикация собственной информации	2,95	1,23	3,20	1,12	2,92	1,29	2,72	1,25	3,03	1,19

при этом включена в широкий круг контактов. Вторая группа имеет наименьший круг социальных взаимодействий и испытывает негативные переживания от отсутствия общения. Представители третьей группы не чувствуют себя изолированными и покинутыми, несмотря на ограниченный круг социальных взаимодействий. Наконец, четвертая группа считает себя включенной в социальные взаимодействия и не испытывает негативных переживаний в связи с социальными взаимодействиями (рис. 1).

Анализ различий в показателе зависимости от социальных сетей в четырех группах показал, что существуют различия в связи с принадлежностью к

группе ($F(3; 3488) = 271$; $p < 0,001$). Значимых различий между группами 1 и 2 нет, при этом данные группы обладают наибольшей выраженностью показателя зависимости в сравнении с другими. При сравнении групп 3 и 4 обнаруживаются значимые различия ($t = -3,54$; $23,1$; $p < 0,001$) в показателе зависимости от социальных сетей. Вероятно, именно одиночество является показателем социального здоровья, способствующим зависимости от социальных сетей. Такой результат позволяет предположить, что независимо от того, как выражена социальная поддержка, высокий показатель одиночества будет приводить к более высоким показателям зависимости.

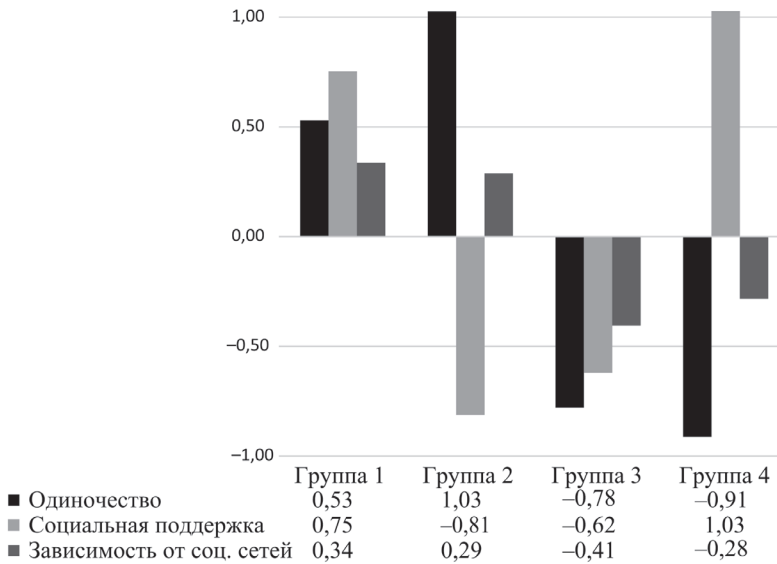

Рис. 1. Выраженность показателей одиночества, социальной поддержки и зависимости от социальных сетей в обнаруженных группах (показатели представлены в z-оценках)

Формальные характеристики активности в социальных сетях, мотивы использования социальных сетей в группах, различающихся выраженностью показателей одиночества и социальной поддержки

Количество времени, проводимого в социальных сетях, по субъективной оценке значимо отличается между группами ($F(3; 3467) = 59,2; p < 0,001$), так же как количество друзей ($F(3; 3458) = 39,6; p < 0,001$) и количество социальных сетей ($F(3; 3478) = 13,3; p < 0,001$) (рис. 2). Наибольшее время в социальных сетях проводят подростки из группы 2, значительно меньше в социальных сетях находятся группы 3 и 1, наименьшее время в социальных сетях проводят подростки из группы 4.

Наибольшее количество друзей онлайн — у группы 4, а наименьшее — у группы 2. Сравнение числа используемых социальных сетей в группах по-

казало, что группа 2 значимо отличается от остальных групп ($t = -3,31; 5,49; p < 0,001$), при этом различий между другими группами не обнаружено.

При анализе различия в мотивах использования социальных сетей обнаруживается основной эффект во всех показателях — быть на связи ($F(3; 3524) = 30,40; p < 0,001$), узнавать новых людей ($F(3; 3541) = 40,32; p < 0,001$), играть в игры ($F(3; 3519) = 3,60; p < 0,01$) и размещать информацию ($F(3; 3513) = 44,93; p < 0,001$) (рис. 3). Значимые различия в мотиве «быть на связи» есть между всеми группами, за исключением групп 2 и 3. Различия в стремлении узнавать новых людей не обнаруживаются как между группами 2 и 3, так и между группами 1 и 4. Таким образом, при низкой социальной поддержке мотив установления новых связей, скорее, будет выражен меньше. Вероятно, наличие высокой социальной поддержки будет способствовать проявлению мотива поиска социальной новизны.

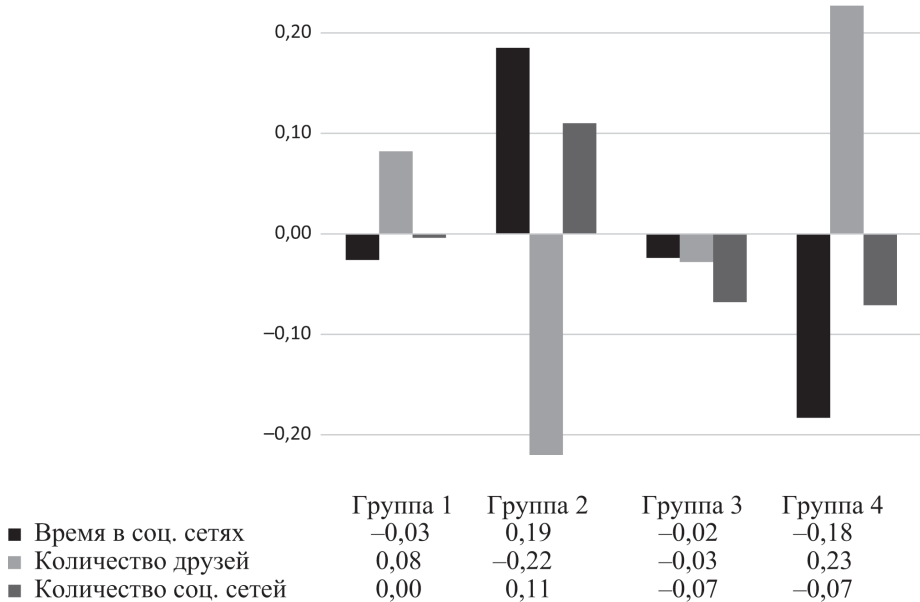

Рис. 2. Выраженность показателей использования социальных сетей в обнаруженных группах (показатели представлены в z-оценках)

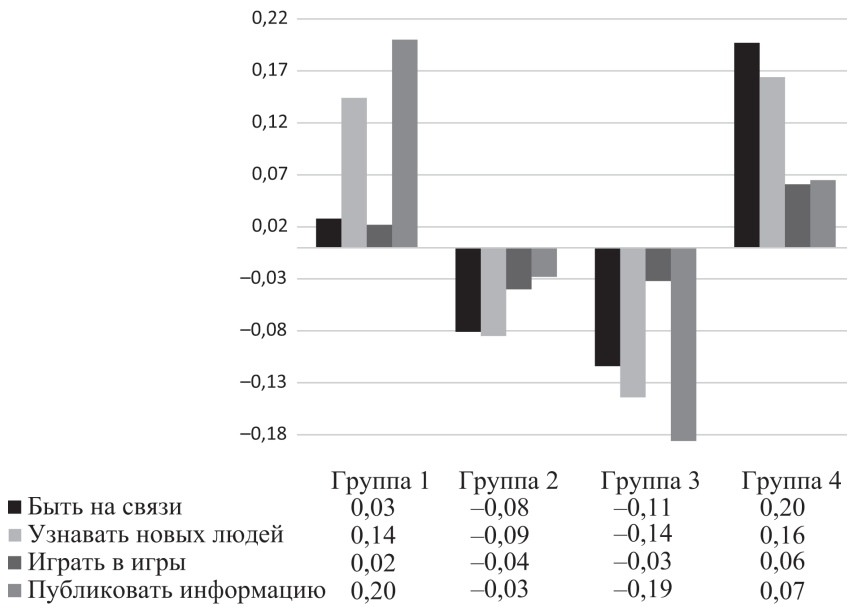

Рис. 3. Выраженность показателей мотивов использования социальных сетей в обнаруженных группах (показатели представлены в z-оценках)

Группы с различными характеристиками одиночества и социальной поддержки максимально близки по развлекательным мотивам, но группа 4 значительно отличается от групп 2 и 3. Вероятно, такие подростки (из групп 2 и 3) не только не стремятся к общению, но и не стремятся к развлечениям. Стремление размещать информацию максимально выражено в группе 1, затем — в группе 4, наименьший показатель — в группе 3, в целом значимые различия обнаружены между всеми группами. Можно заключить, что наличие высокой социальной поддержки способствует публикации информации в социальных сетях независимо от того, насколько выражено одиночество.

Обсуждение результатов

Одной из задач настоящего исследования была проверка психометрических показателей Бергенской шкалы зависимости от социальных сетей (С. Андерсен и др.). Установлено, что шкала обладает однофакторной структурой, которая соответствует оригинальной версии [19]. Статистические показатели пригодности модели соответствуют требованиям, что позволяет использовать данную шкалу в дальнейших исследованиях для диагностики общей зависимости от социальных сетей.

Теоретический анализ показал, что одиночество и социальная поддержка характеризуют содержательно разные оценки взаимодействия с другими людьми. Так, одиночество скорее характеризует внутренние переживания, связанные с недостатком общения и изоляцией, тогда как социальная поддержка — оценку внешних связей, то есть насколько широк круг людей, к которым подросток может обратиться за любой помощью.

Выявленные группы подростков, отличающихся в выраженности одиночества

и социальной поддержки, показывают специфику в зависимости от социальных сетей. Независимо от социальной поддержки высокая выраженность переживания одиночества является основанием для более высокой зависимости от социальных сетей. Подобные факты находят свое подтверждение в других исследованиях, в частности, большее время и более активные действия в социальных сетях связаны с большим показателем одиночества [30; 34].

Данные факты находят подтверждение и в доминирующих мотивах, и в формальных характеристиках использования социальных сетей. Наибольшее время и большее количество различных социальных сетей обнаруживают подростки с высокими показателями одиночества и низкой социальной поддержкой, наименьшие значения времени и разнообразия социальных сетей демонстрируют подростки с низким показателем одиночества и высокой социальной поддержкой. При этом количество друзей у группы с высокими показателями одиночества и низкой социальной поддержкой минимальное по сравнению с другими группами. Вероятно, именно субъективное переживание изолированности более значимо для формирования зависимости от социальных сетей, чем включенность во взаимодействие с разными людьми.

Данные, полученные в отношении различий в мотивах использования социальных сетей, показывают, что наибольшую выраженность мотивов поддержания контактов демонстрируют подростки, не чувствующие себя одинокими и имеющие широкий круг контактов. Интересно, что мотив установления новых контактов более выражен при высокой социальной поддержке независимо от уровня одиночества. Игро-

вые мотивы более выражены также у подростков, имеющих широкий социальный круг, хотя в целом подростки всех групп близки по развлекательным мотивам. Стремление размещать информацию максимально выражено у подростков с высоким показателем одиночества и высокой социальной поддержкой, им уступают подростки, не считающие себя одинокими и имеющие поддержку от других.

Таким образом, подростки, переживающие одиночество и имеющие достаточную социальную поддержку, склонны к зависимости от социальных сетей, но при этом демонстрируют стремление к общению через социальные сети и размещению информации о себе, что согласуется с гипотезой компенсации. Подростки, переживающие одиночество, но не имеющие социальной поддержки, также обнаруживают зависимость от социальных сетей, что подтверждается временем, проведенным онлайн, но они в меньшей степени проявляют активность как в коммуникативных, так и в игровых мотивах, а также меньше размещают информации, что позволяет предполагать проявление эффекта обеднения [41] от использования социальных сетей. Данный эффект был обнаружен у подростков, которые имеют низкую поддержку среди друзей, использование ими социальных сетей в целом снижает их психологическое благополучие. Подтверждением эффекта обеднения являются данные о том, что использование социальных сетей с целью размещения своей информации или просмотра информации о других приводит к еще большим проблемам во взаимодей-

ствии с другими и психологическому благополучию [30].

В противоположность им подростки, не испытывающие одиночества и имеющие поддержку, реализуют коммуникативные мотивы, но при этом в значительно меньшей степени склонны к зависимости. Данные факты согласуются с идеями гипотезы обогащения, но, вероятно, именно хорошие коммуникативные навыки в реальности и наличие круга общения позволяют им избегать формирования зависимости. Наконец, подростки, не испытывающие одиночества и имеющие низкую социальную поддержку, проявляют меньшую зависимость от социальных сетей, проводя там достаточно времени, но не стремясь к активному использованию социальных сетей.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что характеристики социального здоровья — одиночество и социальная поддержка — могут являться факторами зависящего от социальных сетей поведения.

При рассмотрении обнаруженных групп независимо от уровня социальной поддержки при высоком показателе одиночества будет выражена зависимость от социальных сетей. Однако при высоком показателе одиночества отсутствие социальной поддержки проявляется в меньшем количестве друзей в социальных сетях, меньшей выраженности коммуникативных мотивов, что может объясняться эффектом компенсации, при этом высокая зависимость от сетей в сочетании с пассивным использованием сетей скорее говорит об «эффекте обеднения».

Бергенская шкала зависимости от социальных сетей (Bergen Social Media Addiction Scale, BSMAS)

Инструкция. Внимательно прочитай каждое утверждение и укажи, как часто за последний год с тобой происходили подобные ситуации. Для ответа используй следующую шкалу:

- 1 = очень редко;
- 2 = редко;
- 3 = иногда;
- 4 = часто;
- 5 = очень часто.

№	Пункт шкалы	Ответ
	Как часто за последний год ты...	
1	...тратил много времени, размышляя о том, как использовать социальные сети, и планируя действия в них?	1 2 3 4 5
2	...испытывал потребность все больше и больше пользоваться социальными сетями?	1 2 3 4 5
3	...использовал социальные сети, чтобы забыть о личных проблемах?	1 2 3 4 5
4	...безуспешно пытался сократить использование социальных сетей?	1 2 3 4 5
5	...беспокоился или волновался, если тебе запретили пользоваться социальными сетями?	1 2 3 4 5
6	...пользовался социальными сетями настолько часто, что это отрицательно сказалось на делах, учебе?	1 2 3 4 5

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 98–108. DOI:10.17759/chr.2020160410
2. Болдина М.А. Социальное здоровье семьи // Материалы международной научно-практической конференции «Социальное здоровье: теоретические подходы, модели, технологии развития» (г. Тамбов, 18 ноября 2008 г.). Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 11–17.
3. Ведерникова Л.В., Бьрдина О.Г., Поворозюк О.А. Социальное здоровье студентов: сущность, структура и основные направления его формирования // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 2. С. 117–121.
4. Веракса А.Н., Корниенко Д.С., Чичина Е.А., Бухаленкова Д.А., Чурсина А.В. Связь времени использования дошкольниками цифровых устройств с полом, возрастом и социально-экономическими характеристиками семьи // Наука телевидения. 2021. Том 17. № 3. С. 179–209. DOI:10.30628/1994-9529-17.3-179-209
5. Веракса А.Н., Чичина Е.А. Сравнение особенностей использования цифровых устройств детьми старшего дошкольного возраста до начала и в ходе пандемии COVID-19 // Современное дошкольное образование. 2022. Том 2. № 110. С. 30–39. DOI:10.24412/1997-9657-2022-2110-30-39

6. Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1998. № 10. С. 45–71.
7. Дужникова А.С. Социальные сети: современные тенденции и типы пользования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. Том 5. № 99. С. 238–251.
8. Зотова Д.В., Розанов В.А. Патологическое использование и зависимость от социальных сетей — анализ с позиций феноменологии и аддиктивного поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Том 10. № 2. С. 158–183.
9. Карабанова О.А., Георгиевская М.А. Представления об этических нормах интернет-общения у пользователей юношеского возраста с различным уровнем развития морального сознания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 4. С. 107–125. DOI:10.11621/vsp.2019.04.111
10. Коломиец О.В. Социальное самочувствие как проблема социальной психологии // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. М.: Изд-во «Московский психолого-социальный университет», 2012. С. 14–25.
11. Корниенко Д.С., Руднова Н.А. Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией // Психологические исследования. 2018. Том 11. № 59. DOI:10.54359/ps.v11i59.284
12. Корниенко Д.С., Чурсина А.В., Калимуллин А.М., Семенов Ю.И. Взаимосвязь использования социальных сетей с удовлетворенностью жизнью и одиночеством у подростков // Российский психологический журнал. 2022. Том 19. № 3. С. 202–218. DOI:10.21702/rpj.2022.3.13
13. Кружкова О.В., Воробьева И.В. Личностные особенности подростков, юношей и молодежи, вовлеченных в среду Интернет: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 4. С. 160–185. DOI:10.11621/vsp.2019.04.164
14. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 51–59.
15. Ростовцева Н.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А. Киберхондрия — самостоятельное явление или проявление ипохондрических особенностей онлайн? // Национальный психологический журнал. 2022. Том 1. № 45. С. 76–93. DOI:10.11621/rpj.2022.0107
16. Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека как социально-психологический феномен. СПб.: Астерион, 2013. 245 с.
17. Семенова Н.Б. Современные представления о роли социальных факторов в развитии интернет-зависимого поведения у детей и подростков (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 22–32. DOI:10.17759/sps.2022130102
18. Шубин С.Б. Психологические особенности цифровой активности подростков на примере социальных сетей: обзор иностранных исследований // Педагогика и психология образования. 2020. № 3. С. 173–191.
19. Andreassen C.S., Billieux J., Griffiths M.D., Kuss D.J., Demetrovics Z., Mazzoni E., Pallesen S. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study // Psychology of Addictive Behaviors. 2016. Vol. 30. № 2. P. 252–262. DOI:10.1037/adb0000160
20. Andreassen C.S., Torsheim T., Brunborg G.S., Pallesen S. Development of a Facebook Addiction Scale // Psychological Reports. 2012. № 110. P. 501–517. DOI:10.2466/02.09.18.PR0.110.2.501-517
21. Bekalu M.A., Mccloud R.F., Viswanath K. Association of Social Media Use with Social Well-Being, Positive Mental Health, and Self-Rated Health: Disentangling Routine Use from Emotional Connection to Use // Health Education & Behavior. 2019. Vol. 46. № 2S. P. 69S–80S. DOI:10.1177/1090198119863768

22. Boer M., Van Den Eijnden R.J., Boniel-Nissim M., Wong S.L., Inchley J.C., Badura P. et al. Adolescents' intense and problematic social media use and their well-being in 29 countries // *Journal of Adolescent Health*. 2020. Vol. 66. № 6. P. S89–S99. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.02.014
23. Brailovskaia J., Margraf J. Addictive social media use during Covid-19 outbreak: Validation of the Bergen Social Media Addiction Scale (BSMAS) and investigation of protective factors in nine countries // *Current Psychology*. 2022. DOI:10.1007/s12144-022-03182-z
24. Brislin R.W. Back-translation for cross-cultural research // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1970. Vol. 1. P. 187–216. DOI:10.1177/135910457000100301
25. Bruggeman H., Van Hiel A., Van Hal G., Van Dongen S. Does the use of digital media affect psychological well-being? An empirical test among children aged 9 to 12 // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 101. P. 104–113. DOI:10.1016/j.chb.2019.07.015
26. Cheng C., Wang H.Y., Sigerson L., Chau C.L. Do the socially rich get richer? A nuanced perspective on social network site use and online social capital accrual // *Psychological Bulletin*. 2019. Vol. 145. № 7. P. 734–764. DOI:10.1037/bul0000198
27. Duradoni M., Innocenti F., Guazzini A. Well-Being and Social Media: A Systematic Review of Bergen Addiction Scales // *Future Internet*. 2020. Vol. 2. № 2. P. 24. DOI:10.3390/fi12020024
28. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook «friends»: Social capital and college students' use of online social network sites // *Journal of computer-mediated communication*. 2007. Vol. 12. № 4. P. 1143–1168. DOI:10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
29. Elphinston R.A., Noller P. Time to face it! Facebook intrusion and the implications for romantic jealousy and relationship satisfaction // *Cyberpsychology, behavior, and social networking*. 2011. Vol. 14. № 11. P. 631–635. DOI:10.1089/cyber.2010.0318
30. Frison E., Eggermont S. Toward an integrated and differential approach to the relationships between loneliness, different types of Facebook use, and adolescents' depressed mood // *Communication Research*. 2020. Vol. 47. № 5. P. 701–728.
31. Griffiths M.D. A 'components' model of addiction within a biopsychosocial framework // *Journal of Substance Use*. 2005. № 10. P. 191–197.
32. Hahn E.A., Cella D., Bode R.K., Hanrahan R.T. Measuring Social Well-being in People with Chronic Illness // *Social Indicators Research*. 2010. № 96. P. 381–401. DOI:10.1007/s11205-009-9484-z
33. Haroon M.S., Ali F., Awais M. Social media intrusion and psychological adjustment among university students: the mediating role of religious commitment and spirituality // *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*. 2020. Vol. 24. № 1. P. 1–14.
34. Kim J., LaRose R., Peng W. Loneliness as the Cause and the Effect of Problematic Internet Use: The Relationship between Internet Use and Psychological Well-Being // *Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*. 2009. Vol. 12. № 4. P. 451–455. DOI:10.1089/cpb.2008.0327
35. Kraut R., Kiesler S., Boneva B., Cummings J., Helgeson V., Crawford A. Internet Paradox Revisited // *Journal of Social Issues*. 2002. Vol. 58. № 1. P. 49–74. DOI:10.1111/1540-4560.00248
36. Kross E., Verduyn P., Sheppes G., Costello C.K., Jonides J., Ybarra O. Social media and well-being: Pitfalls, progress, and next steps // *Trends in Cognitive Sciences*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 55–66.
37. Kuss D.J., Griffiths M.D. Online Social Networking and Addiction—A Review of the Psychological Literature // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2011. Vol. 8. № 9. P. 3528–3552. DOI:10.3390/ijerph8093528
38. Mahasneh A.M. The Relationship between Subjective Well-being and Social Support among Jordanian University Students // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. Vol. 15. № 2. P. 53–64. DOI:10.11621/pir.2022.0204
39. Marino C., Gini G., Vieno A., Spada M.M. The associations between problematic Facebook use, psychological distress and well-being among adolescents and young adults: A systematic review and meta-analysis // *Journal of affective disorders*. 2018. № 226. P. 274–281. DOI:10.1016/j.jad.2017.10.007

40. McDowell I. Measuring health: A guide to rating scales and questionnaires (3rd ed.). Oxford University Press. 2006. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195165678.001.0001
41. Selfhout M.H., Branje S.J., Delsing M., ter Bogt T.F., Meeus W.H. Different types of Internet use, depression, and social anxiety: The role of perceived friendship quality // *Journal of adolescence*. 2009. Vol. 32. № 4. P. 819–833.
42. Sirola A., Kaakinen M., Savolainen I., Oksanen A. Loneliness and online gambling-community participation of young social media users // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 95. P. 136–145. DOI:10.1016/j.chb.2019.01.023
43. Turel O., Brevers D., Bechara A. Time distortion when users at-risk for social media addiction engage in non-social media tasks // *Journal of psychiatric research*. 2018. № 97. P. 84–88. DOI:10.1016/j.jpsychires.2017.11.014
44. Tutgun-inal A., Deniz L. Development of the Social Media Addiction Scale // *AJIT-e: Academic Journal of Information Technology*. 2015. Vol. 6. № 21. P. 51–70. DOI:10.5824/1309-1581.2015.4.004.x
45. Valkenburg P.M., Meier A., Beyens I. Social media use and its impact on adolescent mental health: An umbrella review of the evidence // *Current opinion in psychology*. 2022. № 44. P. 58–68.
46. Valkenburg P.M., Peter J., Schouten A.P. Friend networking sites and their relationship to adolescents' well-being and social self-esteem // *Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*. 2006. № 9. P. 584–590. DOI:10.1089/cpb.2006.9.584
47. Zahrai K., Veer E., Ballantine P.W., De Vries H.P., Prayag G. Either you control social media or social media controls you: Understanding the impact of self-control on excessive social media use from the dual-system perspective // *Journal of Consumer Affairs*. 2022. Vol. 56. № 2. P. 806–848. DOI:10.1111/joca.12449

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Povedenie onlajn i oflajn: k voprosu o vozmozhnosti prognoza [Online and offline behavior: does one predict another?]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020, no. 16(4), pp. 98–108. DOI:10.17759/chp.2020160410 (In Russ.).
2. Boldina M.A. Social'noe zdorov'e sem'i [Social health of a family group]. In *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Social'noe zdorov'e: teoreticheskie podhody, modeli, tekhnologii razvitiya» (g. Tambov, 18 noyabrya 2008 g.)* [Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference "Social health: theoretical approaches, models, development technologies"]. Tambov: Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2008, pp. 11–17. (In Russ.).
3. Vedernikova L.V., Byrdina O.G., Povoroznyuk O.A. Social'noe zdorov'e studentov: sushchnost', struktura i osnovnye napravleniya ego formirovaniya [Social health of students: essence, structure and main direction of its formation]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal = Siberian pedagogical journal*, 2015, no. 2(2), pp. 117–121. (In Russ.).
4. Veraksa A.N., Kornienko D.S., Chichinina E.A., Bukhalenkova D.A., Chursina A.V. Svyaz' vremeni ispol'zovaniya doshkol'nikami cifrovyyh ustrojstv s polom, vozrastom i social'no-ekonomicheskimi harakteristikami sem'i [Correlations between Preschoolers' Screen Time with Gender, Age and SocioEconomic Background of the Families]. *Nauka televideniya = The Art and Science of Television*, 2021, no. 17(3), pp. 179–209. DOI:10.30628/1994-9529-17.3-179-209 (In Russ.).
5. Veraksa A.N., Chichinina E.A. Sravnenie osobennostej ispol'zovaniya cifrovyyh ustrojstv det'mi starshego doshkol'nogo vozrasta do nachala i v hode pandemii COVID-19 [Comparison of Media Use Among Senior Preschool Children Before and During the COVID-19 Pandemic]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie = Preschool Education Today*, 2022, no. 2(110), pp. 30–39. DOI:10.24412/1997-9657-2022-2110-30-39 (In Russ.).
6. Golovaha E.I., Panina N.V., Gorbachik A.P. Izmerenie social'nogo samochuvstviya: test IISS [Measurement of social well-being: the IISS test]. *Sociologiya: metodologiya, metody*,

matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya:4M) = Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M), 1998, no. 10, pp. 45–71.

7. Duzhnikova A.S. Social'nye seti: sovremennye tendencii i tipy pol'zovaniya [Social networks: trends and types of use]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 2010, no. 5(99), pp. 238–251. (In Russ.).

8. Zotova D.V., Rozanov V.A. Patologicheskoe ispol'zovanie i zavisimost' ot social'nyh setej — analiz s pozicij fenomenologii i addiktivnogo povedeniya [Pathological use and dependence on social networks — analysis from the position of phenomenology of addictive behavior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2020, no. 10(2), pp. 158–183. DOI:10.21638/spbu16.2020.204 (In Russ.).

9. Karabanova O.A., Georgievskaya M.A. Predstavleniya ob eticheskikh normah Internet-obshcheniya u pol'zovatelej yunosheskogo vozrasta s razlichnym urovnem razvitiya moral'nogo soznaniya [Attitudes Toward Ethical Standards of Internet Communication by Youth Users with Different Levels of Development of Moral Consciousness]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 107–125. DOI:10.11621/vsp.2019.04.111 (In Russ.).

10. Kolomiets O.V. Social'noe samochuvstvie kak problema social'noj psikhologii [Social well-being as a problem of social psychology]. In *Modern social psychology: theoretical approaches and applied research = Sovremennaya social'naya psikhologiya: teoreticheskie podhody i prikladnye issledovaniya*. Moscow: Publishing House “Moscow Psychological and Social University”, 2012, pp. 14–25. (In Russ.).

11. Kornienko D.S., Rudnova N.A. Osobennosti ispol'zovaniya social'nyh setej v svyazi s prokrastinaciej i samoreguljaciej [Online social network usage, procrastination and self-regulation]. *Psihologicheskie issledovaniya = Psychological studies*, 2018, no. 11(59). DOI:10.54359/ps.v11i59.284 (In Russ.).

12. Kornienko D.S., Chursina A.V., Kalimullin A.M., Semenov Yu.I. Vzaimosvyaz' ispol'zovaniya social'nyh setej s udovletvorennost'yu zhizn'yu i odinochestvom u podrostkov [The Relationship Between Social Media Use and Life Satisfaction and Loneliness in Adolescents]. *Rossijskij psikhologicheskij zhurnal = Russian psychological journal*, 2022, no. 19(3), pp. 202–218. DOI:10.21702/rpj.2022.3.13 (In Russ.).

13. Kruzhkova O.V., Vorobyeva I.V. Lichnostnye osobennosti podrostkov, yunoshej i molodezhi, vovlechennyh v sredu Internet: zony uyazvimosti dlya ekstremistskogo vozdejstviya v usloviyah cifrovizacii [Personal characteristics of teenagers, youth, and young adults on the internet: vulnerability zones for extremist influence through digitalization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 160–185. DOI:10.11621/vsp.2019.04.164 (In Russ.).

14. Petrova L.E. Social'noe samochuvstvie molodezhi [Social well-being of youth]. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2000, no. 12, pp. 51–59. (In Russ.).

15. Rostovzeva N.A., Rasskazova E.I., Thostov A.Sh., Emelin V.A. Kiberhondriya — samostoyatel'noe yavlenie ili proyavlenie ipohondricheskikh osobennostej onlajn? [Cyberchondria: an independent phenomenon or the manifestation of hypochondriacal traits online?]. *Nacional'nyj psikhologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*, 2022, no. 1(45), pp. 76–93. DOI:10.11621/npj.2022.0107 (In Russ.).

16. Rusalina A.A. Social'noe samochuvstvie cheloveka kak social'no-psikhologicheskij fenomen [Social well-being of a person as a socio-psychological phenomenon]. St. Petersburg: Asterion, 2013. 245 p. (In Russ.).

17. Semenova N.B. Sovremennye predstavleniya o roli social'nyh faktorov v razvitii internet-zavisimogo povedeniya u detej i podrostkov (po materialam zarubezhnyh issledovanij) [Advanced Concepts of the Role of Social Factors in the Development of Internet Addiction Behavior in Children and Adolescents (Based on Foreign Studies)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022, no. 13(1), pp. 22–32. DOI:10.17759/sp.2022130102 (In Russ.).

18. Shubin S.B. Psihologicheskie osobennosti cifrovoj aktivnosti podroستkov na primere social'nyh setej: obzor inostrannyh issledovanij [Psychological features of adolescent digital activity on the example of social networks: The review of foreign studies]. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya = Pedagogy and Psychology of Education*, 2020, no. 3, pp. 173–191. DOI:10.31862/2500-297X-2020-3-173-191 (In Russ.).
19. Andreassen C.S., Billieux J., Griffiths M.D., Kuss D.J., Demetrovics Z., Mazzoni E., Pallesen S. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study. *Psychology of Addictive Behaviors*, 2016, no. 30(2), pp. 252–262. DOI:10.1037/adb0000160
20. Andreassen C.S., Torsheim T., Brunborg G.S., Pallesen S. Development of a Facebook Addiction Scale. *Psychological Reports*, 2012, no. 110, pp. 501–517. DOI:10.2466/02.09.18.PR0.110.2.501-517
21. Bekalu M.A., Mccloud R.F., Viswanath K. Association of Social Media Use with Social Well-Being, Positive Mental Health, and Self-Rated Health: Disentangling Routine Use from Emotional Connection to Use. *Health Education & Behavior*, 2019, no. 46(2S), pp. 69S–80S. DOI:10.1177/1090198119863768
22. Boer M., Van Den Eijnden R.J., Boniel-Nissim M., Wong S.L., Inchley J.C., Badura P. et al. Adolescents' intense and problematic social media use and their well-being in 29 countries. *Journal of adolescent health*, 2020, no. 66(6), pp. S89–S99. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.02.014
23. Brailovskaia J., Margraf J. Addictive social media use during Covid-19 outbreak: Validation of the Bergen Social Media Addiction Scale (BSMAS) and investigation of protective factors in nine countries. *Current Psychology*, 2022. DOI:10.1007/s12144-022-03182-z
24. Brislin R.W. Back-translation for cross-cultural research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1970, no. 1, pp. 187–216. DOI:10.1177/135910457000100301
25. Bruggeman H., Van Hiel A., Van Hal G., Van Dongen S. Does the use of digital media affect psychological well-being? An empirical test among children aged 9 to 12. *Computers in Human Behavior*, 2019, no. 101, pp. 104–113. DOI:10.1016/j.chb.2019.07.015
26. Cheng C., Wang H.Y., Sigerson L., Chau C.L. Do the socially rich get richer? A nuanced perspective on social network site use and online social capital accrual. *Psychological Bulletin*, 2019, no. 145(7), pp. 734–764. DOI:10.1037/bul0000198
27. Duradoni M., Innocenti F., Guazzini A. Well-Being and Social Media: A Systematic Review of Bergen Addiction Scales. *Future Internet*, 2020, no. 2(2), pp. 24. DOI:10.3390/fi12020024
28. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook “friends”: Social capital and college students' use of online social network sites. *Journal of computer mediated communication*, 2007, no. 12(4), pp. 1143–1168. DOI:10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
29. Elphinston R.A., Noller P. Time to face it! Facebook intrusion and the implications for romantic jealousy and relationship satisfaction. *Cyberpsychology, behavior, and social networking*, 2011, no. 14(11), pp. 631–635. DOI:10.1089/cyber.2010.0318
30. Frison E., Eggermont S. Toward an integrated and differential approach to the relationships between loneliness, different types of Facebook use, and adolescents' depressed mood. *Communication Research*, 2020, no. 47(5), pp. 701–728.
31. Griffiths M.D. A ‘componets’ model of addiction within a biopsychosocial framework. *Journal of Substance Use*, 2005, no. 10, pp. 191–197.
32. Hahn E.A., Cella D., Bode R.K., Hanrahan R.T. Measuring Social Well-being in People with Chronic Illness. *Social Indicators Research*, 2010, no. 96, pp. 381–401. DOI:10.1007/s11205-009-9484-z
33. Haroon M.S., Ali F., Awais M. Social media intrusion and psychological adjustment among university students: the mediating role of religious commitment and spirituality. *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*, 2020, no. 24(1), pp. 1–14.
34. Kim J., LaRose R., Peng W. Loneliness as the Cause and the Effect of Problematic Internet Use: The Relationship between Internet Use and Psychological Well-Being. *Cyberpsychology &*

- behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*, 2009, no. 12(4), pp. 451–455. DOI:10.1089/cpb.2008.0327
35. Kraut R., Kiesler S., Boneva B., Cummings J., Helgeson V., Crawford A. Internet Paradox Revisited. *Journal of Social Issues*, 2002, no. 58(1), pp. 49–74. DOI:10.1111/1540-4560.00248
36. Kross E., Verduyn P., Sheppes G., Costello C.K., Jonides J., Ybarra O. Social media and well-being: Pitfalls, progress, and next steps. *Trends in Cognitive Sciences*, 2021, no. 25(1), pp. 55–66.
37. Kuss D.J., Griffiths M.D. Online Social Networking and Addiction—A Review of the Psychological Literature. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2011, no. 8(9), pp. 3528–3552. DOI:10.3390/ijerph8093528
38. Mahasneh A.M. The Relationship between Subjective Well-being and Social Support among Jordanian University Students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2022, no. 15(2), pp. 53–64. DOI:10.11621/pir.2022.0204
39. Marino C., Gini G., Vieno A., Spada M.M. The associations between problematic Facebook use, psychological distress and well-being among adolescents and young adults: A systematic review and meta-analysis. *Journal of affective disorders*, 2018, no. 226, pp. 274–281. DOI:10.1016/j.jad.2017.10.007
40. McDowell I. Measuring health: A guide to rating scales and questionnaires (3rd ed.). Oxford University Press. 2006. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195165678.001.0001
41. Selfhout M.H., Branje S.J., Delsing M., ter Bogt T.F., Meeus W.H. Different types of Internet use, depression, and social anxiety: The role of perceived friendship quality. *Journal of adolescence*, 2009, no. 32(4), pp. 819–833.
42. Sirola A., Kaakinen M., Savolainen I., Oksanen A. Loneliness and online gambling-community participation of young social media users. *Computers in Human Behavior*, 2019, no. 95, pp. 136–145. DOI:10.1016/j.chb.2019.01.023
43. Turel O., Brevers D., Bechara A. Time distortion when users at-risk for social media addiction engage in non-social media tasks. *Journal of psychiatric research*, 2018, no. 97, pp. 84–88. DOI:10.1016/j.jpsychires.2017.11.014
44. Tutgun-ınal A., Deniz L. Development of the Social Media Addiction Scale. *AJIT-e: Academic Journal of Information Technology*, 2015, no. 6(21), pp. 51–70. DOI:10.5824/1309-1581.2015.4.004.x
45. Valkenburg P.M., Meier A., Beyens I. Social media use and its impact on adolescent mental health: An umbrella review of the evidence. *Current opinion in psychology*, 2022, no. 44, pp. 58–68.
46. Valkenburg P.M., Peter J., Schouten A.P. Friend networking sites and their relationship to adolescents' well-being and social self-esteem. *Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*, 2006, no. 9, pp. 584–590. DOI:10.1089/cpb.2006.9.584
47. Zahrai K., Veer E., Ballantine P.W., De Vries H.P., Prayag G. Either you control social media or social media controls you: Understanding the impact of self-control on excessive social media use from the dual system perspective. *Journal of Consumer Affairs*, 2022, no. 56(2), pp. 806–848. DOI:10.1111/joca.12449

Информация об авторах

Корниенко Дмитрий Сергеевич, доктор психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Руднова Наталья Александровна, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Гордеева Тамара Олеговна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), ведущий научный сотрудник, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-8678>, e-mail: tamgordeeva@gmail.com

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ имени В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Егоров Владимир Анатольевич, кандидат физико-математических наук, генеральный директор Некоммерческой организации «Целевой фонд будущих поколений Республики Саха (Якутия)» (НО «ЦФБП РС(Я)»), г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-9742>, e-mail: vladimir_egorov@mail.ru

Веракса Александр Николаевич, член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»); заместитель директора, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7187-6080>, e-mail: veraksa@yandex.ru

Information about the authors

Dmitry S. Kormienko, Doctor of Psychology, Senior Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Natalia A. Rudnova, PhD in Psychology, Junior Research Fellow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Tamara O. Gordeeva, Doctor of Psychology, Full Professor, Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher, Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-8678>, e-mail: tamgordeeva@gmail.com

Oleg A. Sychev, PhD in Psychology, Senior Researcher, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Vladimir A. Egorov, PhD in Physico-Mathematical Sciences, General Director of the Nonprofit organization “Trust Fund of Future Generations in the Republic of Sakha (Yakutia)”, Yakutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-9742>, e-mail: vladimir_egorov@mail.ru

Aleksander N. Veraksa, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Vice-Director of Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7187-6080>, e-mail: veraksa@yandex.ru

Получена 23.03.2023

Принята в печать 17.05.2023

Received 23.03.2023

Accepted 17.05.2023